

Чем глубже они заходили, тем больше ощущали, что двор невероятно глубок, с множеством переходов и внутренних двориков. Следуя за юношей, они прошли через ещё одни ворота и оказались в небольшом дворике, засаженном зелёным бамбуком.

Этот дворик напоминал жилище Му Люняня. В углах стояли аккуратно подстриженные растения, лёгкий ветерок шелестел листьями бамбука, наполняя воздух свежим ароматом. Вся обстановка была пропитана изысканной элегантностью.

Войдя в главную комнату, они оказались в чистом зале. Мебели было немного, но каждый предмет был выполнен с особым вкусом.

Юноша подал им чай и сладости, а затем тихо удалился.

Гу Шаобай и Мо Жань ещё не успели сделать ни глотка, как занавеска у входа раздвинулась, и в комнату вошёл юноша, выглядевший очаровательно и мило. Он был того же возраста, что и предыдущий проводник, но его черты лица были более изящными.

Он поклонился и сел на стул напротив них, улыбаясь:

— Господа, меня зовут Цингуань. Хотите ли вы выпить вина, послушать музыку или, может быть, заняться чем-то другим?

Гу Шаобай, только что сделавший глоток воды, не сразу понял, о чём речь.

— Чем-то другим?

Он повернулся к Мо Жаню.

Мо Жань также выглядел озадаченным. Внезапно мысль пронзила мозг Гу Шаобая, он фыркнул, и вода брызнула на лицо Мо Жана, который тоже в ту же секунду осознал смысл сказанного.

Гу Шаобай поспешно вытер лицо Мо Жана рукавом, извиняясь:

— Прости, прости...

Мо Жань потрогал свои усы и родинку. Слава богу, всё на месте! Он сердито посмотрел на Гу Шаобая:

— Гу... этот человек, ты в порядке?

Гу «этот человек» поклонился и сложил руки:

— Когда вернёмся домой, ты сможешь плюнуть в меня в ответ, хорошо?

Он бросил взгляд на Цингуаня, который сохранял спокойствие и улыбку, и подумал: «Значит, можно так прямо?»

Мо Жань сердито уставился на него.

Гу Шаобай сделал вид, что не замечает этого, и мягко спросил Цингуаня:

— Скажи, что именно ты имеешь в виду под «чем-то другим»?

Мо Жань рядом с ним широко раскрыл глаза, и даже его большая родинка затряслась. Он подумал, что хорошо, что они замаскировались, иначе лицо Гу Шаобая было бы невозможно смотреть.

Цингуань прикрыл накрашенные губы и улыбнулся так нежно, что даже женщина могла бы позавидовать. Он застенчиво посмотрел на Гу Шаобая и с лёгким упрёком сказал:

— Раз уж вы ступили на порог Павильона Ялю, неужели вы действительно ничего не знаете?

К счастью, в комнате для создания атмосферы горел только один розовый фонарь, и свет был тусклым. Иначе было бы видно, как нелепо выглядят их лица с усами и родинками.

— Хе-хе... — Гу Шаобай сухо засмеялся. Он действительно хотел узнать, но стыдно было спрашивать.

Он с сожалением сделал глоток чая, и в комнате повисла неловкая пауза. Гу Шаобай уставился на Мо Жаня, который, почувствовав неловкость, сказал Цингуаню:

— Тогда сыграй нам что-нибудь сначала.

Цингуань встал:

— На каком инструменте вы хотите послушать музыку?

— На пипе!

— На эрху!

Они выкрикнули одновременно, показав полное отсутствие согласованности.

Цингуань улыбнулся:

— Господа, пипа — это женский инструмент, у нас его нет. А звук эрху слишком печальный, его здесь не играют.

— Э-э, — Мо Жань и Гу Шаобай одновременно потёрли лбы и в унисон произнесли:

— Да хоть на чём!

Цингуань поклонился:

— Подождите немного, я сейчас вернусь.

С этими словами он вышел из комнаты, вероятно, чтобы взять инструмент.

Гу Шаобай уставился на Мо Жаня:

— Ты хочешь попробовать «другие» услуги?

Слово «другие» было произнесено сквозь зубы.

Мо Жань выглядел полностью погружённым в медитацию, а затем внезапно обернулся:

— Может, попробуем?

Гу Шаобай посмотрел на него так, словно на собаку, и погладил по голове:

— Хорошо, когда твой отец тебя убьёт, я сожгу тебе много бумажных денег...

Он встал и добавил:

— Вот только не знаю, есть ли в загробном мире такие умелые слуги, как здесь...

Затем он вышел из комнаты, чуть не забыв, зачем они сюда пришли — посмотреть на зрелище.

«Эх, — подумал Гу Шаобай, — зачем я вообще решил сюда прийти? Неужели мне мало того, что Му Цинфэн уже ударил меня ножом в спину? Неужели я хочу увидеть, как выглядит тот, кто ему нравится?»

Мо Жань тихо последовал за ним. В конце концов, потерять честь — это одно, а быть убитым — совсем другое!

Во дворе было ярко освещено. Мо Жань остановил девушку с подносом и положил на него небольшой кусочек серебра:

— В какой комнате находится молодой господин Вэньсинь?

Деньги могут заставить даже чёрта плясать. Мо Жань выяснил, где находится комната, и они с Гу Шаобаем тихо пробрались в самый дальний двор.

Лунные ворота были единственным проходом, соединявшим этот двор с предыдущим.

Ворота были полуоткрыты, и Гу Шаобай с Мо Жанем тихо подошли к ним. В тишине раздавались звуки флейты, плавные и мелодичные, как журчание ручья или лёгкий ветерок. Звуки были настолько прекрасны, что заставляли забыть о мирской суете. Гу Шаобай почувствовал тяжесть в груди: Вэньсинь действительно был мастером своего дела.

Гу Шаобай внезапно схватил Мо Жана и присел у стены, тихо спросив:

— Скажи, Му Цинфэн действительно умеет драться? Ты говорил, что он одним ударом меча обезглавил врага. Это правда или просто слухи? Не хотелось бы, чтобы мы оба попали в беду.

Мо Жань почесал затылок, растерянно ответив:

— Я действительно не знаю...

Гу Шаобай раздражённо пробормотал:

— Ты просто безнадежен!

Он присел в тени лунных ворот, разрываясь между страхом и любопытством. Фан Цинчи говорил, что мастера боевых искусств с развитой внутренней энергией могут слышать дыхание человека на расстоянии тридцати метров. Если Му Цинфэн действительно был таким человеком, то Мо Жана могли обнаружить, но что будет с ним самим?

Если маска Му Цинфэна будет сорвана, что его ждёт? И что будет с семьёй Гу?

Это было ужасно!

Мо Жань, видя, что Гу Шаобай не двигается, толкнул его в спину:

— Шаобай, пошли...

Гу Шаобай обернулся:

— Вернёмся, вернёмся...

Мо Жань удивился:

— Зачем? Мы уже здесь, а зрелище ещё не увидели.

Ему действительно хотелось узнать, как Му Цинфэн и молодой господин Вэньсинь будут вести себя — буря или лёгкий дождик...

В этот момент из одного из дворов выбежал человек, громко крича о помощи. Его крики нарушили тишину, заставив Гу Шаобая и Мо Жаня вздрогнуть.

Человек бежал прямо к дереву, за которым они прятались.

Это был мальчик лет пятнадцати, босой, с красным и опухшим лицом, покрытым слезами. Его одежда была изорвана, и при свете фонарей можно было разглядеть, что она была порвана кнутом. Кожа под ней была покрыта красными полосами, многие из которых кровоточили.

За ним гнался мужчина лет двадцати с небольшим, одетый в дорогие шёлка, среднего роста, с обычной внешностью, но с узкими глазами с хитрым прищуром, которые вызывали отвращение. Его одежда была растрепана, пояс болтался на талии, а в руке он держал кнут. Он тяжело дышал, преследуя мальчика, и кричал:

— Маленькая сволочь, как ты смеешь убежать? Я тебя засеку!

Мальчик, увидев Гу Шаобая и Мо Жаня, словно увидел спасителей, упал на колени и умолял:

— Господа, спасите меня, спасите!

Гу Шаобай нахмурился. Хотя он и слышал, что в публичных домах бывают клиенты с извращёнными наклонностями, но увидеть это своими глазами было совсем другим делом.

Он вздохнул. Видимо, скрыться не удастся. Он поднял мальчика и осмотрел его раны. Красные полосы на теле были ужасны, многие из них опухли, а кожа была покрыта синяками. Лицо мальчика было так избито, что трудно было разглядеть его черты, а в уголке рта застыла кровь.

Гу Шаобай содрогнулся. Он прикрыл мальчика собой и холодно посмотрел на преследователя:

— Что ты делаешь?

За мужчиной следовал невысокий слуга с косыми глазами, который кричал:

— Молодой господин, зачем вы гоняетесь за этим щенком? Пусть слуги его свяжут и приведут к вам...

Мужчина с хитрыми глазами, увидев, что Гу Шаобай загородил ему путь, разозлился ещё больше. Он указал на Гу Шаобая кнутом:

— Ты кто такой? Убирайся с дороги!

<http://bllate.org/book/16730/1538602>